

Визит нехрупкой дамы

После работы Лена Соболева заехала в китайскую фирму, чтобы купить чудодейственное средство от облысения. Долго разыскивала нужный дом, сверяясь с адресом в газетном объявлении. Фирма находилась в подозрительно ветхом строении, но цена у средства от плешивости была как у золотого песка.

Три продавца чистокровно славянской внешности наперебой убеждали Лену купить запас на год вперед. Говорили про сто тридцать реликтовых трав в сборе, про нескорые очередные поставки и сказочный эффект. С их слов получалось, что намажь средством коленку, и на ней вырастет борода. В качестве живого аргумента приволокли из подсобки маленького старого китайца, одетого в национальный костюм, смахивающий на отечественную пижаму.

Представили как разработчика и потомственного лекаря-травника. Китаец что-то промяукал

на своем языке и постучал по голове с жиденькими волосиками. Ему, видно, собственные рецепты не очень помогали.

Продавцы окончательно заморочили Лене голову, обрушив на нее информацию о сногшибательных скидках. Если она купит три коробки, то по цене полутора, пять — как три, десять — как пять, то есть даром. В итоге Лена купила пятнадцать коробок, а в кошельке осталась только мелочь.

Средство предназначалось для мужа: Володя начал лысеть в тридцать лет, и за семь последующих на его голове образовалось гладкое, словно выжженное солнечным зайчиком, пятно. Володя перепробовал уже множество отечественных и зарубежных средств, но успеха не добился. Его заветную мечту вырастить на макушке новый покров знали дети — двенадцатилетний Петя и шестнадцатилетняя Настя.

В рекламных разделах газет они выискивали сообщения о новых препаратах и показывали маме. Лена с неутомимостью коллекционера приобретала средства для Володиной плечи.

Хотя саму Лену его лысина несколько не отвращала. Она, лысина, была такой же родной, как и весь муж.

В метро Лена стояла на платформе и думала о том, что китайские травы, которыми она основательно затоварилась, наверняка фикция или

подделка. Зачем поддалась на уговоры и все деньги вбухала? Ловкачи! Окрутили и одурачили ее!

Поезд остановился так, что она оказалась между вагонами, и ей пришлось втискиваться вслед за счастливыми, занявшими позиции напротив двери.

«Как всегда. Ну и пусть, — думала Лена. — Очень даже хорошо».

Она свято верила в равновесие счастья и несчастий, удач и поражений. Если что-то в твоей жизни забирается, то в другом месте прибавляется. Баланс должен соблюдаться!

Профукала деньги на китайские травы — а Володе зарплату прибавят. Чулок порвался — а Петя тройку по географии исправил. Застряла в лифте на два часа — а Настино сочинение по литературе на городской конкурс отправили. За невезучесть во внешней жизни отпускается счастье и благополучие семейные. Поэтому Лена была готова терпеть мелкие неприятности, даже радовалась им, как предвестникам удачи. Пусть поезд останавливается хоть вверх колесами, пусть колбаса оказывается с душком, пусть молочный суп в столовой перед ней кончается — главное, чтобы в семье был порядок.

Но в тот вечер баланс неожиданно решился, и горе-злосчастье ворвалось в мирную жизнь Соболевых, хотя предварительно никаких особых подарков судьба не преподносила.

Прежде чем ворваться, горе-злосчастье требовательно позвонило в дверь.

Лена вернулась домой пятнадцать минут назад. Быстро распределила обязанности: Володя — в ванную новое средство накладывать, Настя — чистить картошку, помогать запоздалый ужин готовить, Петя — закончить домашнее задание и убрать в комнате.

Лена прибавила газ под жарившимися котлетами и пошла открывать. «Неужели трубу прорвало?» — думала она, потому что так настырно давить на звонок могут только соседи снизу, когда у них с потолка капает вода.

Но это были не соседи. За дверью, очень близко к порогу, стояло громадное тело с клипсами, которые бросились в Лену. Бросились не фигурально, а натурально — едва по лицу не заехали. Клипсы походили на блестящие шары, вроде тех, что сверкают под потолком на молодежных дискотеках, размером, конечно, поменьше, с теннисный мячик. От них тянулись цепочки к нашлепкам на мочках ушей.

Пришлось отступить назад, тело шагнуло вслед, Лена отступила еще. Теперь она могла охватить взглядом монументальную фигуру.

Женщина двухметрового роста и в три обхвата по талии.

— Ты Лена? — спросила великанша, и блестящие шары запрыгали из стороны в сторону.

— Я, — ответила Лена, задрав голову и бегая глазами от одного шарика к другому.

— А я — Иванова! — вызывающе громко заявила дама.

Фамилия, хоть и не редкая, ничего Лене не говорила. У нее вообще была плохая память на имена и абсолютная на лица. Эту женщину она никогда не видела.

— Ну?! — гаркнула Иванова.

— Ну? — повторила Лена удивленно.

— Ты чего бельма на меня выпучила? Хоть бы покраснела! Дряннь, потаскуха!

Лена растерялась. То есть возмутилась, но одновременно ожидала, что блестящие шарики, амплитуда колебаний которых достигла предела, сейчас оторвутся и полетят снарядами. Ищи их потом по всей квартире.

— Молчишь?! — орала Иванова. — А когда мужа моего в постель тянула, небось не молчала!

— Кого? — изумленно переспросила Лена.

Иванова вдруг заговорила на иностранном языке. Так сначала Лене показалось. До нее не сразу дошло, что Иванова матерится, как портовый грузчик. Раскаты бранных конструкций неслись по квартире:

— Да я тебя! Козявка мелкоструйная! Своими руками задавлю!

Иванова, с кровожадным, перекошенным от ярости лицом, подняла богатырские руки, расто-

пырила пальцы-коряги и двинулась вперед. Лена от страха заверещала, попятилась, уткнулась спиной в одежду на вешалке и часто-часто замахала перед собой ладонями. На ее счастье из ванной выскочил Володя:

— Что здесь происходит?

На голове у него покоилась нашлепка из китайской зелено-коричневой массы.

Иванова с легкостью мастодонта повернулась. Клипсы изменили направление колебаний и стукнули обладательницу по щекам.

Она мотнула головой, точно лев, огрызнувшийся на комара, клипсы застыли, чуть покачиваясь.

— Ты кто такой? — спросила Иванова.

— Я муж Лены. Что здесь происходит?

— Козел ты, а не муж. Рога выводишь? — Иванова кивнула на его голову.

Володя не нашел что ответить.

— Что вы хулиганите? — Лена обрела дар речи. — Кто вы такая? Я сейчас милицию вызову.

— Милицию? Мерзавка! Шмакодявка! Надо было вызывать милицию, когда ты чужого мужа соблазняла!

— Какого мужа? — растерянно спросил Володя.

— Моего, Пашку. Пупсиком она его зовет, — передразнила Иванова, потирая ладони, словно стряхивая с них остатки чужой, в клочья разодранной плоти. — У этого пупсика почти два центнера весу. Как он тебя не раздавил?

— Возмутительно! — Лена пунцово вспыхнула. — Я не знаю никакого вашего мужа, вообще никакого не знаю.

— Не знаешь? А этот, — Иванова ткнула пальцем в Володю, — что, для прикрытия? Или он немогущий...

Именно в момент, когда Иванова произнесла ругательство, появилась дочь Настя.

— Мама, картошку жарить или варить? — спросила Настя, с интересом разглядывая визитершу.

— Варить, и не смей сюда показываться! — Лена постаралась придать голосу строгость.

— Подумаешь, — пожала плечами дочь, — всё равно слышно. Речь у вас!.. — Настя обратилась к Ивановой с заметным восхищением. — Отпад! Где табуированную лексику изучали?

— Чего? — не поняла Иванова.

— Марш на кухню! — приказала Лена дочери и повернулась к мужу:

— Володенька!

Лечебная жижа сползала со лба, текла по щекам, и казалось, что он плачет нечеловеческими слезами.

— Какое-то недоразумение. — Лена прижала руки к его груди. — Впервые вижу эту женщину...

— Еще бы, — буркнула Иванова. — Я только сегодня узнала, а то давно бы тебе патлы повыдерживала.

— Понятия не имею о ее двухцентнеровом муже, — продолжала Лена, вытирая лечебную массу на щеках мужа. — Ты не волнуйся, мы сейчас разберемся.

Володя стоял памятником, на котором побывали все окрестные голуби.

— И разбираться нечего! — пролаяла Иванова. — Не перестанешь кобеляж с моим Пашкой разводить, я тебя удавлю вместе с этим, дерьмом намазанным. Если у тебя мужик немощный, то нечего с других штаны стаскивать и чужим добром пользоваться! — Она снова раскачала клипсы так, что они грозили улететь прочь.

— Прекратите немедленно! — Лена чуть не плакала. — Держите клипсы, то есть уходите немедленно!

— Я-то уйду, но ты поняла, шлюха? Мокрого места не оставлю!

Мотнув шариками, Иванова вышла. Дверью она хлопнула вызывающе громко. От косяка отлетел кусок штукатурки и упал на пол.

— Володя, это какой-то ужас! Она сумасшедшая, правда? — перевела дух Лена. — Что ты молчишь? Поверил, дурачок? — Она растерянно улыбалась.

Он не отвечал.

— Володенька! — Лена заглядывала в глаза мужу. — Ну ты что? Я сама испугалась. Представляешь, вот так ворвется в дом ненормальная, а вдруг с ножом? А если дети одни дома? Я тебе давно

говорила: надо цепочку врезать и глазок прибить. То есть наоборот, цепочку прибить, а глазок врезать. Ой, до чего я испугалась!

Володя молча отстранил жену и пошел в комнату. Лена хотела броситься за ним, но из кухни опять появилась Настя:

— Мама, теперь котлеты горят.

Лена побежала спасать ужин. Пока она орудовала на кухне, Володя собирал вещи.

Лена перехватила мужа уже на пороге.

— Ты куда? С чемоданами? — ахнула она.

— Детей береги, — не глядя на нее, с мукой произнес Володя и вышел.

Опять штукатурка посыпалась. Лена несколько секунд молча смотрела на дверь.

— Дочь, — машинально позвала Лена, — возьми полотенце, догони отца, он голову забыл смыть.

Нелепый фарс разрешился поздно вечером, когда к Лене пришла соседка с верхнего этажа занять сахар. Лена уже не рыдала, а громко и нервно икала. Соседка настороженно оглядывалась по сторонам.

— У тебя Иванова была? — спросила она, продолжая стрелять глазами, словно туша Ивановой могла спрятаться в каком-нибудь углу.

— Откуда... ик! Ты зна... ик! ...шь?

— В окно видела, как она в подъезд входила. Ну всё, думаю! Кранты! А ее нет и нет. Я на пло-